

Леонид Люкс

Евразийство? Национализм? Русский европеизм? – куда качнется российский маятник?

Пятнадцать лет тому назад распался Советский Союз. Исчезло государство попытавшееся осуществить созданную «Коммунистическим Манифестом» утопию. Однако тот факт, что Россия была первой страной, в которой начертанный Марксом и Энгельсом утопический проект стал идейной основой государственности весьма примечателен. Он показывает, что идеи в России принимают всерьез. Характерная для Запада «игра в идеи» России почти неведома. Поэтому и политические системы, которые здесь возникали, были, как правило, идеократиями.

Возникшее на обломках «Золотой Орды» московское царство было заморожено идеей «государства правды», верой в то, что Москва и есть непреходящий Третий Рим олицетворяющий православный идеал на земле.

Петр I, в свою очередь, повернул взор русского человека с неба на землю, сверг богоизбранный Третий Рим с пьедестала и «заразил» высший слой страны идеей европеизма. Основная драма будущей России таким образом была predetermined. Византийско-монгольское наследие и петровский замысел обречены были на противоборство и на сосуществование. Превратить Россию в «нормальную» европейскую страну не удалось ни Петру, ни его преемникам. Но и путь к допетровской старине был окончательно закрыт.

Радикальные критики Петра, славянофилы и евразийцы, считали, что Петр своей реформой уничтожил фундамент, на котором покоилась мощь России. Богослов Георгий Флоровский писал в 1922 г., когда он еще принадлежал к евразийскому движению, что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция – это суд над послепетровской Россией.¹

Евразийцами не берется во внимание, что идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от своей автаркии и собственного самодовольства, что по крайней мере со времени террора Ивана Грозного начался беспрецедентный кризис российской идентичности. Чтобы преодолеть становящуюся все более глубокой культурную стагнацию Россия срочно нуждалась в куль-

---

¹ Георгий Флоровский: О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Москва-Берлин 1922. с.230-293.

турных побуждениях извне, и откуда они могли прийти, если не с Запада? Не случайно, говорит Владимир Вейдле, Петр Первый открыл окно не в сторону Мекки, не на Лхассу, но в Европу. Правда, согласно Вейдле, петровский замысел имел исключительно технократическую природу. Петр отождествлял культуру с технократической цивилизацией. Тем не менее он интуитивно выбрал – через восстановление культурного единства христианского мира – самый плодотворный для России путь развития.²

Вейдле, как и евразийцы, осознает хрупкость фундамента, на котором была воздвигнута петербургская Россия. Но он не видит альтернативы петровской программе. Отход от Европы для России невозможен, потому что она в результате своей христианизации стала неотъемлемой частью европейской культуры.

Анализируя русскую революцию, надо однако подчеркнуть, что она не ограничивалась, как известно, спонтанным протестом масс против творения Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить петровский замысел. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую, «полуазиатскую» Россию в передовое, промышленное, европейское государство.

Однако в отличие от петровской революции, большевистская привела не к преодолению раскола между Западом и Востоком, а наоборот. Новый режим беспощадно боролся при помощи «красного», а потом сталинского террора, против русского европеизма, изгнал сотни тысяч его приверженцев за пределы страны и закрыл открытое Петром окно в Европу. Результатом этого процесса был «Упадок творчества». Так, один из основоположников евразийства, князь Николай Трубецкой назвал свою опубликованную в судьбоносном 1937 году статью. Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой уничтожающую критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творчества в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить».³ В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль.

Еще в середине двадцатых годов евразийцы характеризовали советскую политику как политику большого стиля. Все, что противостояло большевикам в России, было по их мнению провинциальным и малозначительным.⁴ Тот факт, что Трубецкой десятью годами позже упрекает сталинизм в полном отсутствии стиля, показывает, насколько низко упал большевизм за это время в глазах основателей евразийского движения. Трубецкой утверждал, что коммунизм осужден на угасание, поскольку он полностью истощил свой творческий потенциал. Но в

---

² Владимир Вейдле: *Задача России*. Нью-Йорк 1956.

³ Николай Трубецкой: *Упадок творчества* // Н. Трубецкой: *История, Культура, Язык*. М.1995, с.446.

⁴ См. Петр Сувчинский: *К пониманию современности* // *Евразийский временник* 5/1927, с.20.

действительности этой системе, скорый развал которой он предсказывал, предстояло еще полстолетия решающим образом определять ход мировых событий. Таким образом, Трубецкой недооценил политическую — но не культурную — витальность коммунизма. С необыкновенной проницательностью он увидел, что идеология, которая более не в состоянии вдохновлять культурную элиту, которая терпит лишь официозный художественный канон и драконовски карает всякое отклонение от него, в конечном итоге не имеет шансов на выживание. Основоположники евразийского движения рано распознали эпигонское и обывательское бесплодие сталинистской концепции культуры, которой последователи Сталина вплоть до горбачевской перестройки оставались в общем верны. Когда занимаются поисками причин развала советского режима, то ни в коем случае не следует забывать диагноз Трубецкого. Не только хозяйственная неэффективность, не только технологическая отсталость, но также и «упадок творчества», который наблюдался в России как следствие сталинской унификации, обусловили в конечном итоге закат советской империи.

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место истощившей себя коммунистической партии. В вышеназванной статье Трубецкой писал, что положение в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей». И для Трубецкого не было никакого сомнения в том, что эта другая идея может быть только «евразийской».⁵

Годом позже Трубецкой умер, и его смерть символизировала конец классического евразийства. Как тогда казалось, оно окончательно покинуло политическую сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие евразийцы не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно закрытой главой в истории идей российской эмиграции. Однако в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце тридцатых годов, суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный ренессанс. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской идеи пустились на поиски новых объединяющих начал для всех народов и религиозных сообществ советского государства, и открыли при этом евразийские идеи. С особой настойчивостью распространяет их Александр Дугин в своих изданиях, в первую очередь, в журнале «Элементы» (1992-1998 гг.).

Кажется, что идеологическое кредо издателей «Элементов» полностью соответствует программе «классических» евразийцев. Обе группировки являются страстными защитниками культурного партикуляризма и радикальными против-

---

⁵ Трубецкой, Упадок творчества, с. 448.

никами универсальных идей. Евразийцы считали универсализм открытием западноевропейцев – «романо-германских» народов –, которые навязывают всем народам мира собственные представления о ценностях. Если европейцы говорят о человечестве, они понимают под этим только западноевропейскую цивилизацию, писал в 1920 году Трубецкой.⁶

Не иначе оценивают издатели «Элементов» сегодняшние теории глобализации или же идеи «нового мирового порядка». Все эти «мондиалистские» концепции инспирируются правящими кругами Запада, целью которых является достижение мирового господства.

Если евразийцы рассматривали весь Запад, точнее говоря «романо-германские» народы как врагов незападноевропейского мира, то образ врага «Элементов» редуцируется до англосаксонских морских держав интересы которых якобы диаметрально противоречат интересам держав континентальных. Морские державы выступают за упразднение границ, за унификацию культур. Континентальные же, напротив, опираются на традицию, имеют глубокие корни. Культурные особенности отдельных народов считаются здесь ценным достоянием. Это противоречие является для «Элементов» непреодолимым. Для того, чтобы осуществить «мондиалистский» план, морские державы должны стремиться к тому, чтобы лишить все культуры мира их особенностей, смешать их воедино в т.н. «мировую культуру», Континентальные державы со своей стороны должны пытаться, если они хотят выжить, сдержать такое наступление всеми возможными способами, даже с помощью военной силы. Речь идет о жизни и смерти.⁷

Конспиративный образ мира, прославление войны, стремление к тотальной победе над Западом – все это коренным образом отличает группу «Элементов» от их евразийских предшественников. Целью евразийцев было не разрушение Запада, но ограждение России и всего евразийского субконтинента от культурного воздействия Запада. Их программа была не экспансионистской, а изоляционистской. Их интересовала не власть над миром, а поиски элемента способного скрепить многонациональное российское государство. Время единовластного господства русских в России в связи с растущим национальным самосознанием нерусских народов империи ушло безвозвратно, писал в 1927 году Трубецкой. Большевики хорошо это поняли и нашли нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. Национальные чувства рабочих куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового носителя своего единства и таковым с точки зрения Трубецкого может быть только евразийская идея, подчеркивающая общность между всеми народами России-Евразии.⁸

⁶ Николай Трубецкой: Европа и человечество // Н.Трубецкой, История, с.55-104.

⁷ Элементы 2, 1992, с.27; 3, 1993, с.3 и 8; 4, 1993, с.48; 6, 1996, с.2.

⁸ Николай Трубецкой: Общеввропейский национализм // Евразийская хроника 7, 1927, с.28-29.

Слабостью евразийской идеи – и в прошлом и в настоящем – является, однако, то, что она так и не смогла добиться широкого признания, «овладеть массами». Несмотря на то что и евразийцы 20-30-х гг. - и неоевразийцы пытались и пытаются распространять свою программу в бесчисленном количестве изданий, их идеи все еще остаются достоянием отдельных элитарных кружков. Для русских националистов евразийская идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего Советского Союза. При всей своей оригинальности программа евразийства, судя про всему, вновь обречена на провал.

То, что не евразийская, а национальная идея является той основой, на которой зиждется современная российская государственность, кажется чем-то естественным. Ведь Россия после развала СССР, в сущности, впервые образовалась как национальное государство. Таковым она не была ни в московский период, который вдохновлялся сверхнациональными, религиозными идеями, ни в эпоху петровского европеизированного самодержавия, ни тем более в большевистские времена, когда страна превратилась всего лишь в один из участков фронта мировой революции. Так что в России, в традиционной великой державе, происходит сегодня, как это ни парадоксально звучит, процесс nation building, как и во многих бывших республиках Советского Союза, которые в 1991 году впервые обрели государственную независимость. А такого рода процессы, как правило, связаны с поиском идентичности и с всплеском националистических эмоций. Такие явления наблюдались и наблюдаются во многих странах мира. Значит ли это, что Россия превращается в «нормальное» национальное государство с партикулярными целями, и отказывается от универсальных идей, которым она служила в течение последнего тысячелетия? Могут ли идейные установки, которые столетиями определяли сознание нации, бесследно исчезнуть? Вряд ли. Кроме того, националистическая идеология, несмотря на ее чрезвычайное распространение – это не «последнее слово» исторического развития. Еще в начале 20-го века национальное государство рассматривалось на Западе как венец творения, вершина развития человечества. Однако трагический опыт первой и второй мировой войны наглядно показал, к каким ужасающим последствиям приводит обожествление национальных интересов отдельных государств. Без этого опыта интеграционные процессы, начавшиеся в Европе во второй половине 20-го столетия были бы немыслимы. Эти процессы не могли не коснуться и России. Мечта о преодолении раскола между Западом и Востоком, о «возвращении в Европу» была мотором горбачевской перестройки. С особым рвением стремились представители радикального крыла реформаторского лагеря, как в свое время и радикальные западники петербургского периода, к тому, чтобы превратить Россию в «нормальную» европейскую страну. Но как и их предшественники, они недооценили своеобразие России. Каждая попытка перенести на российскую почву западные институты и модели без учета этого своеобразия, обречена на неудачу. Россия

«есть европейская держава», как говорила Екатерина II. Однако надо добавить, что ее европеизм отличается от западного. Когда на Западе, да и на Востоке утверждают, что Россия лишь в географическом, но не в культурном смысле является частью Европы, забывают, что Европа это двуликий Янус, у которого есть и свой Запад и свой Восток, которые в сущности не могут существовать друг без друга. Ведь нельзя же себе представить западную культуру без Достоевского, Толстого, Чехова или Кандинского, а русскую без Шекспира, Сервантеса, Гете и Гегеля. Попытки изолировать эти взаимопроникающие сосуда друг от друга, приводит к увяданию обеих культур.

Когда рухнула берлинская стена и противостояние западного и восточного блока завершилось, у Европы вновь появился шанс обрести единство, как и в петербургские времена. Но единства пока не получилось, так как по обеим сторонам уже не существующего «железного занавеса» изоляционисты всех мастей пытаются доказать, что пути Запада и России несовместимы, Но не иначе ведь обстояли дела и в петербургский период. Путешествуя по николаевской империи 14 лет после восстания декабристов и 2 года после смерти Пушкина, А. Кюстин назвал Россию страной рабов, а Пушкина всего на всего ловким подражателем западным образцам без самостоятельного творческого таланта. В России, в свою очередь, националистически настроенные круги постоянно хоронили «гнилой Запад». Однако ни российские, ни западные изоляционисты не смогли помешать все более и более интенсивному взаимодействию обеих культур. Это тогда Хомяков и Достоевский говорили о «священных камнях» Запада, а Томас Манн, в свою очередь, о «священной русской литературе». Апогеем этого взаимопроникновения был «серебряный век», эпоха религиозно-философского ренессанса в России, который опирался и на западный рационализм и на православную духовность. Культура «серебряного века» показывает, что Запад и Восток не обречены на вечное противоборство, что синтез между ними возможен.

Хотя большевистская революция насильственно прервала дальнейшее углубление этого синтеза, идеи религиозно-философского ренессанса продолжали развиваться в эмиграции и после падения железного занавеса начали постепенно возвращаться на родину – также как и евразийские идеи и идеи националистически настроенных эмигрантских кругов. Все они вливаются в основные идейные потоки сегодняшней России и пока все еще неясно в какую сторону качнется российский «маятник». А может быть прошли те времена когда Россия подчинялась единой «идее-правительнице» и все вышеназванные течения будут сосуществовать друг с другом. Входит ли страна постепенно в постидеократическую фазу своего развития? Этот вопрос остается открытым.